

Он опустил голову и увидел лишь, как полы его фиолетово-чёрного одеяния развеваются на ветру, а затем веки отяжелели, и он рухнул прямо в снег.

Как холодно.

Мучительное ощущение полного бессилия и того, как из тела уходит жизнь, не давало ему очнуться. Вскоре он почувствовал, что лицо что-то щекочет.

Наконец не выдержав, Гу Инь протянул руку, смахнул то, что мешало, и резко сел.

Перед ним, высунув язык, сидел Дахуан, явно намереваясь снова лизнуть его в щёку.

Оглядевшись, он понял, что в комнате только одна кровать — он в своей спальне.

На улице уже рассвело. Гу Инь хотел что-то сказать, но обнаружил, что голос сильно охрип — видимо, вчера он действительно слёг с лихорадкой.

Повернув голову, он увидел на табурете пустую миску из-под отвара и кожаный чехол с серебряными иглами.

Очевидно, прошлой ночью за ним присматривал Линь Цинъю.

Гу Инь закрыл лицо руками, чувствуя глубокую подавленность. Он уже нашёл свою цель, но всё никак не мог решиться нанести удар. Неужели этот сон, в котором Линь Цинъю его убивает, был предупреждением?

Если он не сделает этого сейчас, то однажды Линь Цинъю сам расправится с ним...

От этой мысли Гу Иню стало очень не по себе.

Но как поднять руку на такую красоту?

Пока Гу Инь сидел на кровати, то хмурясь, то взъерошивая волосы, то тяжело вздыхая, Линь Цинъю молча вошёл в комнату с чашей отвара в руках.

Встретившись взглядом с холодными глазами Линь Цинъю, Гу Инь мгновенно узнал в них тот самый взгляд из сна, когда тот его убивал.

Сердце пропустило удар, он невольно отпрянул назад, и на его лице отразилось настороженное ожидание атаки.

Какой бы ни был красавец, собственная шкура дороже.

Заметив этот инстинктивный жест обороны, Линь Цинъю остановился. Он не стал приближаться, поставил лекарство на табурет и, сжав губы, холодно произнёс:

— Твоё лекарство.

Сказав это, он развернулся и вышел, даже не обернувшись.

Гу Инь поник, глядя на миску и не зная, как реагировать.

Стоит ему убить Линь Цинъю, и он сможет вернуться, выпустить игру, над которой работал, исполнить свою мечту и достичь вершин успеха.

Всё здесь — лишь подделка, созданная его собственным программным кодом.

Тут нечего сомневаться.

Линь Цинъю с ним груб и холоден, так что убить его и убраться отсюда — лучший вариант.

Гу Инь снова принялся яростно тереть волосы.

Вдруг послышался шорох.

Гу Инь поднял голову, всё ещё взъерошенный, и увидел А Тэна. Тот прижался к дверному косяку, вытянув зелёные листья внутрь, словно ребёнок, любопытно заглядывающий в комнату.

Увидев, что Гу Инь не реагирует, А Тэн, извиваясь подобно змее, медленно просочился внутрь. Гу Инь сидел, опустив веки, совершенно без сил.

Зелёные листья А Тэна коснулись щеки Гу Иня и тут же быстро отпрянули.

Гу Инь вынужден был поднять взгляд:

— Ты чего?

Сказав это, он подумал, что окончательно сошёл с ума.

Разговаривать с лианой.

Но листья А Тэна изогнулись и указали на миску с лекарством на табурете.

Гу Инь заколебался, но всё же взял миску и выпил отвар до дна.

На удивление, не горько.

Поставив миску, Гу Инь снова забился в кровать:

— Доволен?

А Тэн обвился вокруг него, пытаясь стащить с кровати.

— Эй, ты что творишь!

А Тэн не дал ему времени на раздумья. Опутанный лианами Гу Инь был потащен из комнаты. Когда стало ясно, что их тянут в покои Линь Цинъю, Гу Инь завопил:

— Ты что задумал? Отпусти меня! Если ты притащишь меня туда, он же меня убьёт!

А Тэн проигнорировал крики, с размаху ударил телом Гу Иня о дверь, открывая её, и швырнул его внутрь.

С глухим стуком дверь захлопнулась.

Гу Инь, морщась от боли, потирал ушибленное место и сердито поднялся на ноги.

Он обязательно найдёт способ сжечь эту проклятую лиану!

Однако, едва встав, он увидел Линь Цинъю, лежащего на столе.

Испугавшись, Гу Инь склонил голову:

— Учитель... — вспомнив об утреннем лекарстве, добавил: — Спасибо, что сварили мне отвар. Я больше не злюсь на то, что вы вчера беспричинно меня ударили.

Не дождавшись ответа, Гу Инь сделал шаг вперёд и со сложным выражением лица пробормотал:

— Мне кажется, вы должны быть хорошим человеком...

Почему же ты стал злодеем? Гу Инь мучился в догадках.

Видя, что Линь Цинъю по-прежнему молчит, он снова подошёл и легонько толкнул его.

Стоило ему едва коснуться его, как Линь Цинъю безвольно рухнул на пол, пребывая в беспомощности.

Гу Инь в панике замер.

Только не это, он же ещё ничего не сделал!

Он поспешно поднял Линь Цинъю и, коснувшись его руки, обнаружил, что тот горит, а на щеках проступил лихорадочный румянец. Гу Инь засуетился:

— Учитель, что с вами?

Уложив Линь Цинъю на кровать, он почувствовал, как внутри всё перемешалось.

Он такой хрупкий, что даже Гу Инь, не имеющий ни капли духовной силы, мог бы убить его одним ударом. Как он может быть главным злодеем?

Линь Цинъю, казалось, было очень плохо: брови сдвинуты, лицо пылает, а губы бледны, словно полотно.

Гу Инь сидел рядом, заставляя себя не смотреть на столь жалкое зрелище.

Если оставить его здесь, он ведь может умереть от лихорадки.

Время шло, и Гу Инь вдруг резко встал.

Он выбежал из комнаты и направился на кухню во дворе.

Будь что будет. Линь Цинъю помог ему с лекарством, как он может воспользоваться его беспомощностью?

Даже если он должен умереть, это должно произойти в честном бою.

На кухне он нашёл только что выкопанные духовные растения с остатками земли.

В этот момент снова появился А Тэн.

На одной из его веточек была закреплена деревянная табличка.

Гу Инь взял её, и когда А Тэн коснулся листьями поверхности, табличка начала транслировать запись.

На экране Линь Цинъю, промокший до нитки, собирает духовные растения, варит отвар, а затем, преодолевая недомогание, ставит иглы Гу Иню.

В конце он хмурится, глядя на свои запачканные грязью одежды, и, не дожидаясь, пока вода нагреется, наспех моется.

К рассвету Линь Цинъю уже был болен.

Посмотрев это, Гу Инь почувствовал, как внутри всё сжалось от боли.

Впервые он не воспринимал его как простого персонажа из игры.

Гу Инь не разбирался в духовных растениях, поэтому просто продолжил варить то, что было в горшке.

Наконец, налив чашу, он помог Линь Цинъю выпить отвар.

Дыхание Линь Цинъю стало ровнее. Видя, что тот спит, Гу Инь сварил немного каши и заодно постирал одежду Линь Цинъю.

Пока тот не проснулся, он даже перевернул на солнце все его драгоценные травы для просушки.

Закончив дела, Гу Инь сел на скамейку во дворе, подпер голову рукой и уставился в небо.

Однако время от времени он всё равно поглядывал в сторону комнаты, проверяя, не проснулся ли тот.

Он не мог не поразиться: такой большой мужчина, а здоровье совсем никудышное.

Ожидание начало сводить его с ума — он до смерти боялся, что Линь Цинъю умрёт от болезни.

Гу Инь топтался у входа, глядя на Линь Цинъю. Его лицо всё ещё оставалось бледным, в

полусне он казался мягким и кротким, но Гу Инь знал: стоит ему открыть глаза, как в них снова застынет холод и равнодушие.

Постояв так немного, Гу Инь прокрался в комнату и сел на край кровати, внимательно разглядывая лицо Линь Цинъю. Тот был действительно хорош собой: густые брови, высокий нос — во сне он напоминал благородного и утончённого юношу.

Взгляд Гу Иня привлёк зелёный блик под подушкой.

Он приподнял её и обнаружил нефритовую флейту. Она была простой и изящной. Гу Инь взял её в руки, разглядывая.

Вдруг в ушах раздался резкий, хриплый голос:

— Что ты делаешь?!

Гу Инь обернулся и радостно воскликнул:

— Ты наконец-то проснулся!

Линь Цинъю с помрачневшим лицом уставился на флейту в руках Гу Иня и с силой вырвал её.

Гу Инь неловко улыбнулся:

— У тебя красивая флейта.

— Вон!

<http://bllate.org/book/18807/1829248>